

Ольга Михайловна Рындина

Томский государственный университет, г. Томск, Россия, rynom_97@mail.tomsknet.ru

ОТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ К МУЗЕЮ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Аннотация. В статье этнографический музей рассматривается как культурная форма, т. е. институция, отвечающая на вызовы времени, которая позволяет скорректировать механизмы презентации этнической культуры в условиях трансформации самой этой культуры. Определяется понятийный ряд, характеризующий новации в функционировании этнической культуры – неотрадиционализм и перформанс. С точки зрения неотрадиционализма раскрывается роль профессионального творчества в трансляции современной культуры обских угорцев, хантов и манси, прослеживается трансформация этнографического музея в институцию, где местное сообщество активно участвует в презентации этнокультурного наследия.

Ключевые слова: современная этническая культура; музей; Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

Olga M. Ryndina

Tomsk State University, Tomsk, Russia, rynom_97@mail.tomsknet.ru

FROM AN ETHNOGRAPHIC MUSEUM TO A REGIONAL COMMUNITY MUSEUM

Abstract. The paper examines the ethnographic museum as a cultural form, that is, an institution that responds to the challenges of the time, which allows us to adjust the mechanisms of presentation of ethnic culture in the conditions of transformation of this culture itself. A conceptual series is defined that characterizes innovations in the functioning of ethnic culture - neotraditionalism and performance. From the point of view of neo-traditionalism, the paper reveals the role of professional creativity in translating modern culture of such Ob peoples as Ugs, Khanty and Mansi, as well as the transformation of the ethnographic museum into an institution where the local community actively participates in the presentation of ethnocultural heritage is traced.

Keywords: modern ethnic culture; museum; Khanty-Mansiysk autonomous okrug – Ugra.

Главнейшая функция этнической культуры – воспроизводство этноса, но формы ее реализации не остаются застывшими во времени. Еще в 1980-е гг. Ю. В. Бромлей выделил тенденцию смещения акцента в презентации этнической культуры с бытового уровня в профессиональную художественную сферу, которая наряду с психикой представляет одно из главных современных «убежищ» этнической специфики [1, с. 367]. В настоящее время эта тенденция быстрыми темпами набирает силу. Обратимся к примерам из этнокультурной жизни Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по двум причинам. Во-первых, в округе сильные позиции занимает национальная интеллигенция, научная и творческая, что обуславливает активные процессы возрождения и презентации этнической культуры хантов и манси. Во-вторых, бурными темпами развивается музейное дело.

Знаковой фигурой в плане презентации хантыйской культуры является Вера Кондратьева – участница фольклорно-этнографического ансамбля «Пинэли» и солистка этнорок-группы «Тень эмигранта». В свете заявленной в статье проблематики особое внимание привлекает второй аспект творческой деятельности певицы. Ее насы-

щенный гастрольный ритм охватывает не только территорию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Российскую Федерацию, но и зарубежье. Весьма показателен состав конкурсной программы певицы: песня-аранжировка на основе аутентичного фольклорного образца хантов – песни матери; аранжировка песни, сочиненной самодельной хантыйской певицей, знатоком фольклора; аранжировка современной песни профессионального эстрадного певца. Представляется, что три указанные песни воплощают динамику национального профессионального творчества в целом: фольклор – фольклоризм – интернациональные сюжеты.

Второй пример – театр обско-угорских народов «Солнце». Идея создания театра принадлежала администрации округа, в обсуждении и обосновании проекта театра активное участие приняла творческая и научная интеллигенция округа. Для подготовки профессиональных театральных кадров среди коренного населения, хантов и манси, было принято решение открыть специальность «актер национального театра» на факультете обско-угорской филологии Югорского университета. Сценические постановки осуществлялись

по мотивам хантыйского и мансийского фольклора, произведений национальных писателей, фольклора и литературы народов мира.

С точки зрения фольклористики профессиональное сценическое воплощение элементов традиционной культуры силами национальной интеллигенции подпадает под определение «неофольклоризма» как современной разновидности фольклоризма. Последнее явление фиксировал еще Б. Н. Путилов в середине прошлого века и определил его как «вторичную» фольклорную культуру: возвращение в устный обиход, в современный художественный быт народа какой-то части фольклорного наследия через кино, радио, эстраду и т. п. [2, с. 71–72]. К. В. Чистов обосновал фольклоризм как вторичную форму культуры, включенную в новые культурно-бытовые системы и выполняющую нетрадиционные функции [3, с. 52]. Под неофольклоризмом понимаются, во-первых, заимствования этнического материала, в том числе образцов фольклора, из естественной среды и превращение их в часть творческого продукта, строящегося по законам сценического искусства, во-вторых, использование всего арсенала «современных технических средств, выполняющих роль стимулятора и катализатора обновляющегося музыкального языка» [4, с. 18]. Иными словами, неофольклоризм – это фольклоризм, опирающийся на современные технологии, в том числе и цифровые.

В этнологию также внедрен аналогичный термин – неотрадиционализм как осознанный процесс возрождения традиций этнической культуры для решения проблем социокультурного развития общества. Предложена и классификация его форм применительно к Сибирскому региону: религиозная, празднично-обрядовая, культурно-хозяйственная, идеологическая и фольклорно-музыкальная. Последняя включает практики по восстановлению традиций устной, песенной культуры, зрелищного искусства с целью популяризации культурного наследия в собственной этнической среде и за ее пределами [5, с. 33–34]. Рассмотренные нами примеры подпадают под последнюю из перечисленных форм неотрадиционализма. Для ответа на вопрос о его месте и роли в современном развитии этнической культуры следует обратиться к функциям рассматриваемой новации. Совершенно очевидно, отпадает функция трансляции традиций на аутентичном уровне, ей здесь нет места по самой сути явления, но вместе с тем нельзя не заметить, что появляются другие. Представляется, что диапазон этих функций весьма широк и разнообразен:

- пробуждение творческого поиска у национальной молодежи с опорой на традиции;
- перевод традиций в профессиональную творческую сферу;
- актуализация традиций в новационной форме;
- сплочение этнического сообщества через систему фестивалей, конкурсов, концертов;
- превращение отдельных номеров или персоналий в современный символ этнической культуры;
- презентация этнической культуры на региональном, государственном и международном уровнях;
- укрепление этнической идентичности как следствие вышеперечисленных [6, с. 271].

Как видим, рассмотренная форма неотрадиционализма выполняет принципиально важные функции для поддержания и интеграции этнического сообщества и, следовательно, заслуживает самого пристального внимания со стороны исследователей этнической культуры. Действительно, И. О. Хабек зафиксировал «сдвиг» в этнографических ориентирах, произошедший в начале нынешнего столетия: если раньше «манifestация» этничности посредством деятельности учреждений культуры не принималась во внимание как предмет исследования, то в настоящее время актуальным представляется «что, для чего и кого и каким образом осуществляется инсценировка» [7, с. 63]. По мнению автора, задачей домов культуры стала не только просветительская работа, но и репрезентация местного сообщества, прежде всего этнического, внутри и вовне.

Анализируя такую форму неотрадиционализма в Нанайском районе Хабаровского края, как «устраивание обрядов для туристов»: обряд кормления огня, нанайские танцы, представляющие собой стилизацию под «танцы народов Севера», В. В. Симонова приходит к важному заключению, имеющему методическое значение. Одновременно существуют две интерпретации этнокультурного наследия: традиционная и игровая. Первая связана с «приватной» сферой, куда и не допускают «чужаков», она транслирует и созидает культуру в ее традиционном понимании. Вторая определена как «перформанс» и констатирована ее связь с «публичной» сферой, существующей для «чужих» и подтверждающей стереотипное восприятие аборигенов. Функциями «перформанса обрядности» определены: сохранение и трансляция этнокультурного наследия, но на игровом, а не ритуальном уровне; символическая поддержка этнокультурной идентичности группы; нацеленность на экономическую выгоду [8, с. 132, 134–135].

Итак, в этнологической литературе предложено деление современных этнокультурных реалий на собственно традицию, неотрадиционализм и «игру в традицию», или перформанс.

Под неотрадиционализм начиная с 1980-х гг. во многом попадает и деятельность этнографических музеев. При этом музей начинает выполнять базовую функцию этнической культуры – сохранение этноса посредством актуализации этнической идентичности. Акцент делается на интерактивные технологии, т. е. активное вовлечение музейной аудитории в музейное действие, которое базируется на этнической традиции, но вместе с тем преломляет ее с учетом специфики музейной деятельности. Потребность в трансформации музейных практик в условиях трансформации механизма функционирования самой этнической культуры хорошо прослеживается на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

В июле 1932 г. Постановлением Президиума Уральского облисполкома во вновь образованном Остяко-Вогульском национальном округе «в рамках развернутого плана мероприятий по хозяйственному и культурному строительству» было принято решение «о создании окружного музея в городе Остяко-Вогульске (ныне – Ханты-Мансийск) и о выделении для него из Тобольского музея экспонатов и материалов, имеющих отношение к Остяко-Вогульскому музею». Создание музея представлялось властям делом важным и нужным, прежде всего в целях «ликвидации в ближайшие годы хозяйственной и культурной отсталости туземных народностей Уральского Севера» в духе советской идеологии [9].

В 1980-е гг. велось строительство нового здания музея, в котором в 1991 г. для посетителей была открыта новая экспозиция, призванная стать визитной карточкой округа и характеризующая его природные богатства, материальную и духовную культуру коренных народов хантов и манси, историческое прошлое и настоящее округа.

В 2000-е гг. постановлением губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры А. В. Филипенко Ханты-Мансийский окружной краеведческий музей был преобразован в Музей Природы и Человека. Проведена реконструкция музея с использованием самых современных технологий и создана новая стационарная экспозиция музея «Связь времен», раскрывающая Югорский край в трехмерном измерении: мифическое время, историческое время и ритм биосферы [10, с. 11]. По оценкам специалистов, Музей Природы

и Человека – один из самых современных музеев не только в Уральском федеральном округе, но по некоторым показателям и в России.

Тем не менее, имея в округе один из наиболее новационных по замыслу и техническим средствам его воплощения музей в РФ, причем с сильнейшим этнографическим компонентом, национальная интеллигенция в 1980-е гг. остро ощутила необходимость создания музея иной направленности – живого музея, в котором в реальном времени воссоздавались бы элементы традиционной культуры хантов и манси. Как ответ на эту потребность в 1987 году и возник этнографический музей под открытым небом «Торум Маа» – земля Торума. Его основателями стали мансийский поэт Юван Николаевич Шесталов и хантыйский писатель Еремей Данилович Айпин (оба с мировыми именами). Культуру обских угров решено было представить в Ханты-Мансийске на одном из семи священных холмов, недалеко от слияния Оби и Иртыша.

Музей «Торум Маа», как и положено музею, имеет стационарную экспозицию. Она представляет собой достоверную реконструкцию быта обских угров путем экспонирования аутентичных объектов:

- «Летнее стойбище ханты реки Аган» (летний дом, хозяйственный и охотничьи лабазы, навес-коптильня, хлебная печь, кострище);
- «Зимнее поселение северных манси» (зимний дом, хозяйственный и охотничий лабазы, хозяйственные постройки для содержания скота);
- действующее «Святылище обских угров»;
- охотничья тропа, которая представляет собой ловушки давящего типа на крупного и мелкого зверя, боровую дичь, ветровые заслоны [11].

Вместе с тем важнейшей составляющей музейной деятельности является научно-исследовательская работа, опирающаяся на регулярно собираемые среди коренных малочисленных народов автономного округа полевые этнографические материалы. Экспедиционная деятельность – не самоцель, а средство для возрождения народных праздников и традиций. Именно эта деятельность, по мнению организаторов музея, должна способствовать пробуждению этнической идентичности, консолидации коренных народов. Ежегодно музей организует для посетителей традиционные праздники и обряды обских угров, семинары, мастер-классы, детские занятия, лекции, экскурсии для различных категорий посетителей. Таким образом музей способствует

сохранению в активной деятельностной форме этнокультурного наследия округа и делает своих посетителей соучастниками возрождения и трансляции культурных традиций в формате неотрадиционализма. Необходимо подчеркнуть важную деталь: посетителями музея становятся не только ханты и манси, но и представители разных народов, проживающих на территории округа. Следовательно, этнокультурное наследие обских угров превращается в культурное наследие всего региона и осознается в качестве такового его жителями независимо от их этнической принадлежности, а они сами превращаются в активных участников презентации культурного наследия региона.

Этнографический музей под открытым небом «Торум Маа» при этом становится музеем регионального сообщества и во многом вбирает в себя функции, свойственные неотрадиционализму, но с поправкой на специфику музейной деятельности:

- пробуждение интереса у молодежи к этническим традициям;
- перевод традиций в сферу музейной деятельности;
- актуализация традиций в форме интерактивных технологий;
- сплочение этнического и регионального общества через систему семинаров, мастер-классов, музейных праздников;
- превращение музея и его практик в современный символ этнической культуры;
- презентация этнической культуры на региональном и всероссийском уровнях;
- укрепление этнической и региональной идентичности как следствие вышеперечисленных.

Как видим, трансформация этнографического музея в музей регионального сообщества стала ответом на возникшую социальную потребность в иных формах презентации этнокультурного наследия и раскрыла музей как культурную форму.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981. 390 с.
2. Путилов Б. Н. Фольклорное наследие и современная культура // Проблемы современного народного творчества. Русский фольклор. М.; Л., 1964. Вып. 9. С. 61–81.
3. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л.: Наука ЛО, 1986. 304 с.
4. Иванова Л. П. Типология фольклоризма в русской музыке XX века: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2005. 35 с.
5. Лаамажа Ч. К. Эффекты архаизации и формы неотрадиционализма в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сборник. Новосибирск, 2015. Вып. 10. С. 22–36.
6. Рындина О. М. Этническая культура, цифровизация и неотрадиционализм // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 264–274.
7. Хабек Й. О. Роль домов культуры в трансляции этничности // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сборник. Новосибирск, 2007. Вып. 8. С. 63–66.
8. Симонова В. В. Перфоманс обрядности как этнокультурный парадокс // Проблемы сибирской ментальности. СПб., 2004. С. 130–137.
9. Страницы истории // Музей Природы и Человека : [сайт]. URL: http://ugramuseum.ru/O_muzee/stranitsyi_istorii/ (дата обращения: 23.10.2023).
10. Степанова Л. В. Музей – отражение времени // Музей: вехи жизни: историко-краеведческий сборник. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 456 с.
11. О музее // Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Этнографический музей под открытым небом “Торум маа”»: [сайт]. URL: <https://torummaa.ru/history/> (дата обращения: 23.10.2023).

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 11.01.2024; принята к публикации 15.01.2024.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 11.01.2024; accepted for publication 15.01.2024.